

Фото Николая Михаловского

Вера Маркова
(1907–1995)

Необратимость речи

Посмотрите, пожалуйста, на лицо этой пожилой женщины — поэтессы, переводчицы, выдающейся японистки. Жалко, что карточка, как говорится, маленькая.

Фотографироваться ей было странно. Обмолвилась, что из-за больных ног давно не выходила на улицу, что продолжает много работать. На дворе стояло лето 1993-го (сужу по дарственной надписи на её единственной поэтической книге).

...Я вглядываюсь в снимок, и в который раз замечаю, что это доброе и терпеливое лицо высвечено изнутри. Ко дню нашей встречи я уже знал, что она — глубинный христианский поэт, почти неизвестный читателю. Вспомним пока общеизвестное.

Именно благодаря Вере Марковой многие из нас, вослед нашим читающим родителям, любят великих японских поэтов Басё и Иссу. Помнят, что означают слова хайку и хокку.

Говоря в полушутку — в отличие от крыловских лебедя, рака и жуки — старояпонские *улитка* на склоне Фудзи, *ворон* на голй ветке и *лягушка* у пруда — издавна остаются для читателя воплощением гармонической красоты и созерцательности.

В русском языке их прочно поселила Вера Маркова.

Старый пруд.

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине.

Меня, молодого и легкомысленного журналиста, отрекомендовал тогда Вере Марковой поэт и пушкинист Валентин Берестов. Через два года я усмотрел его имя среди других примечательных имен под текстом... некролога? — Нет, поминального гимна памяти Веры Николаевны. В наших газетах подобные слова мне раньше никогда не встречались.

«...Она являла собою пример того благородства и самоотречения, о которых современные писатели (да и читатели) попросту не подозревают...» И далее: «...“Молчальница”, затворница, схимница русской поэзии, своим присутствием, своим именем, своей верою она спасала очень многих — знавших её и незнакомых — от дурных слов и поступков...»

Самые близкие звали Веру Маркову — Добрушей.

Сегодня её одухотворённая поэзия — на пути к нам. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок **Наталии Кондратовой**

Я по дорогам памяти сквозной
Люблю скитаться, шурясь близоруко,
И вереницу тех, что были мной,
По росту расставляю, словно кукол.

Займи у самой маленькой, займи
Щепотку зоркости и удивленья.
Спроси у той, бегуньи лет семи,
Как ей жилось — до светопреставленья.

Займи у этой, не познавшей лжи,
Отмах руки, необратимость речи.
А этой все по чести доложи.
Она тебя возьмет к себе на плечи.

1983

Туманный день

На дне тумана тяжело дышать.
Весомость времени почти что зрима.
На плечи давит вековая кладь:
Оливы Галилеи, камни Рима.

Все времена спрессованы к концу.
Меж войнами иголки не продену.
Известно лишь Предвечному Отцу,
Какую Он готовит перемену.

Так стало душно, словно в душевой.
В тумане люди непричастны к тайне,
Но чувствуют всей кожей, всей душой
Трехтысячного года предстоянье...

1982

Я плачу не о том, что свыше сил,
Что налита уже с краями чаша,
Что зверь — мой век надежды загасил,
Что Дантова передо мною чаша,
О малом плачу я. Не стоят слез
Грядущего знакомые печали.
Ведь вот оно, грядущее! Сбылось
Незримо, на другом витке спирали.
Вот почему приходит вещий сон
О том, что есть, а не о том, что будет.
И даже Страшный суд в конце времен
Уже свершился: нас все время судят.

1981

* * *

Мне кажется, прикручено лучом,
Со мною облако вдоль жизни бродит,
Поддерживая блещущим плечом
Обломок солнца — тот, что не заходит.

На приторно-восторженной заре,
Когда всё небо солгало мне разом,
Оно одно, как древле Назорей,
Сказало правду — режущим алмазом.

Я по догадке облаком зову
Хранителя, которого не стою.
Гроза и Свет, во сне и наяву,
В час истины поговори со мною.

1983

Из цикла «Государыня-пустыня»

Хвала звезде, над яслями вставшей!
Младенцу и Матери хвала!
Хвала росткам, а листве опавшей
Благодарение — жизнь отдала.

Полям, плодоносителям хлеба,
Путям, по которым идет колея, Хвала!
На земле замешено небо.
На небе замешена земля.

*Канун Рождества Христова,
1981*

Памяти Бориса Пастернака

Тебе Пилат не выдал подорожной,
Но в дальний путь он взглядом торопил.
Ты это знал, чудак неосторожный,
И в вешем сне себя похоронил.

Тебя, как сноп, сожгло живое пламя,
Твой рот сгорел от едкой соли слов.
Ты думал в августе проститься с нами,
Рукой ощутив влажность облаков.

Но кесарь-август опоздал с багрянцем,
Ледком едва подернулась сирень,
Когда пришел всегдашним самозванцем
Давно тобою выношенный день.

Сын человеческий, прошли мученья.
Других еще поставят на правез,
Но ты до праздника Преображенья
Во дни потомков доживешь.

1964

* * *

Читаю стихи медленно, медленно,
Раздвигая слова пространством.

Завертит ветер крылья мельницы,
Слова сольются, — пиши пропало!

Пробую слово бережно, бережно,
На вкус, на зрение, на осязание.

Слезами отмыто, светом отбелено,
Слово — родитель и создание.

1989

* * *

Охалка осенних листьев.
С чем ты тягаешься, книга,
книга?

1979

